

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ / GENERAL HISTORY

УДК 94(32)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

Т. А. Шеркова

ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ – ЛОНО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

T. A. Sherkova

PREDYNASTIC EGYPT – THE BOSOM OF ANCIENT EGYPTIAN CIVILIZATION

Аннотация. Статья является результатом многолетней работы, посвященной проблеме перехода додинастической эпохи Египта к государству. Этот переходный период в культурно-историческом аспекте содержит как позднепервобытные феномены, так и факты, указывающие на развитие общества в направлении социальной дифференциации с выявлением аристократических родов во главе с социальным лидером. Эти процессы проявляются на основе развития археологической культуры Нагада, прошедшей несколько фаз, демонстрирующих многообразие памятников, артефактов и изобразительных текстов, которые являются основными источниками для дописьменной эпохи Египта. Они анализируются в аспекте фундаментальных историко-культурных процессов. Методологически такая задача решается с помощью использования наработок и выводов ряда гуманитарных научных дисциплин: семиотики, культурологии, фольклористики, глубинной психологии и пр. Такой подход делает более основательной базу исследования, имеющего отчасти прикладной характер.

Ключевые слова: идентичность; культурная память; космос и хаос; миф и ритуал; изобразительный текст; мотив и образ.

Abstract. This article is the result of many years of work devoted to the problem of the transition of the predynastic era of Egypt to the state. This transition period in the cultural and historical aspect contains both late-primitive phenomena and contents that indicate the development of society in the direction of social differentiation with the identification of aristocratic families headed by a social leader. These processes are reflected in the development of the archaeological culture of Naqada, which has passed through several phases of development, demonstrating the diversity of monuments, artifacts and pictorial texts that are the main sources for the pre-written era of Egypt. They are analyzed in the aspect of fundamental historical and cultural processes. Methodologically, this task is solved by using the developments and conclusions of a number of humanitarian scientific disciplines: semiotics, cultural studies, folklore, depth psychology, etc. This approach makes the research base, which is partly applied, more solid.

Keywords: identity; cultural memory; cosmos and chaos; myth and ritual; pictorial text; motive and image.

Сведения об авторе: Шеркова Татьяна Алексеевна, ORCID: 0000-0002-6203-1959, канд. ист. наук, Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, sherkova@inbox.ru

About the author: Sherkova Tatyana Alekseevna, ORCID:0000-0002-6203-1959, Ph.D, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sherkova@inbox.ru

Мир устной памяти насыщен символами [7, с. 367]
The world of oral memory is full of symbols [7, p. 367]

Введение

Додинастический Египет был тем глубоким фундаментом, на котором выросла древнеегипетская цивилизация. Эта дописьменная эпоха, существовавшая с рубежа VI–V до конца IV тыс. до н.э., в которой развивалась археологическая культура Нагада, расширила свои границы от южной части долины Нила до его Дельты, ассимилировав северный Буто-Маадийский культурный комплекс. Как показали многолетние полевые исследования в Иераконполе (древнеегипетский Нехен, совр. Ком эль-Ахмар) – древней духовной столице

Египта, уже на ранних фазах культуры Нагада общество этой мощной локальной территории имело общественную иерархию с выделением социальной элиты и вождя (регионального царя). Уместно вспомнить характеристику, данную Ю.М. Лотманом археологическим бесписьменным культурам, в которых обнаружены все признаки развитых цивилизаций с городами, ирригационными сооружениями, развитыми ремеслами, сложными системами символов. В таких обществах роль письменности играли мнемонические символы – природные и рукотворные, а также ритуалы [7, с. 364–365]. С точки зрения семиотики, материальные и изобразительные источники являются текстами, в которых заключена информация, в том числе связанная с сакральной сферой. Эти формы познания мира и роли в нем человека бесписьменной и дописьменной культуры, каковой была древнеегипетская культура Нагада, основаны на механизме работы символа, который связан с идеей некоторого содержания в плане выражения для другого, более ценного содержания. «В символе всегда есть что-то архаическое», – отмечал Ю.М. Лотман. И далее: «Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами. <...> Символ никогда не принадлежит к какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [8, с. 240–341]. Являясь механизмом культурной памяти, символы переносят сюжетные схемы в последующие пласты культуры, в диахроническом ее срезе. Таким образом, речь идет о культурной памяти, которая сохраняет основополагающие идеи и целостность культуры, в том числе древнеегипетской культуры, существовавшей на протяжении нескольких тысяч лет. Ведь само существование культуры невозможно без памяти как надындивидуальной интеллектуальной и коммуникативной системы в синхронном и диахронном измерениях.

Применительно к понятию культуры, культурной памяти египтолог и культуролог Я. Ассман употребляет термин «идентичность».

Идентичность есть результат осознания, рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе. Это относится как к индивиду, так и к коллективной жизни [2, с. 139–154]. Идентичность присутствует в разных общностях, от родоплеменной до государственной, объединяя социум вокруг духовных ценностей, космического порядка, защищающего от хаоса, небытия. И на каждом этапе развития культуры складывались представления о картине мира, в которой фиксировалось ее происхождение. Концепция культуролога и религиоведа М. Элиаде о вечном возвращении к идеалам начала, заложенного в основы культуры первопредками в первовремена, которыми должны руководствоваться все последующие поколения, повторяющие миротворение в ритуалах [16, с. 45–47], характеризует первобытные общества. Тем не менее, эта концепция применима к значительно более поздним эпохам, включая древние государства. Достаточно сказать, какую важную роль играл в Египте культ предков, в первую очередь царей (умерших и правящих) как ключевых фигур в представлениях о картине мира.

Принципы мифологического сознания

Тысячелетний опыт и наблюдение за природными и социальными явлениями сфокусировали мифологическое сознание на выявление противоположных чувственных образов при восприятии окружающего мира. Эти фундаментальные бинарные оппозиции – пространственные (верх – низ, юг – север, восток – запад), временные (день – ночь), социокультурные (мужское – женское, жизнь – смерть) и пр. – создавали многоуровневые символические конструкции, семантические цепочки, порожденные мифологическим сознанием представления о мироустройстве и месте в нем человека. Первостепенной важности оппозиция хаос – космос наделялась особой значимостью, поскольку космос, упорядоченный мир представлял собой максимальную сакральную ценность, истоки которой восходили к первовременам сотворения мира предками и богами, передавшими знания и жизненные

навыки последующим поколениям людей. Поэтому на первый план в коллективном сознании выступали обычаи, опыт, регламентирующие и упорядочивающие жизнедеятельность коллектива с помощью астрального календаря и ритуала [7, с. 363–371; 13, с. 72].

Противостояние космоса и хаоса, периодически вторгающегося в жизнь социума, было реальностью, хорошо известной населению додинастического Египта, но выраженной в мифопоэтическом творчестве и ритуалах на образно-символическом языке. «Окружающий микрокосм раскрывался перед обществом как единство противоположностей, но эти противоположности, хотя и не всегда, были иллюзорны, фантастичны, несли смысл, который не вытекал из их сущности, а обуславливался воздействием мифа на общественное сознание» [5, с. 27] в разных дихотомических парах, выраженных в кодовой системе: хаос – космос, центр – периферия, социальное – природное, мужское – женское, жизнь – смерть, день – ночь, свет – тьма и т. д., которые, тем не менее, составляли целостное мироздание. Реальный мир воспринимался коллективным сознанием через миф, фантастические, одухотворенные символические образы. Этим инструментарием мифологическое сознание вносило порядок в первозданный хаос, который вторгался в упорядоченный мир¹. В одном из пророческих текстов говорится: «Солнце закроется тучами и не будет больше сиять, чтобы люди могли видеть; а человек не живет, когда (Солнце) закрыто тучами. Река Египта высохнет...» [цит. по: 1, с. 116].

Египет неоднократно переживал как природные негативные изменения, так и социальные катаклизмы. Мифологическое сознание воспринимало их в пространстве мифа, который объяснял эти события борьбой между созидательными и разрушительными силами, персонифицированными богами. И мифы о конфликтах между парами богов семантически тождественны оппозиции хаоса и космоса. В присущих мифологической биполярной логике о борьбе и снятии конфликта между противоположностями содержится идея циклического обновления космоса в круговом движении пространства-времени, в котором антиномии закольцованы. Парность конфликтующих противоположностей – это то «испытание», через которое проходит мир как целостность. К этой структуре биполярности хаоса и гармонии восходят все феномены бытия общества. Бинарная мифологическая логика отразилась в разных ключевых мотивах. Так, на древнем мотиве близнечества и межгендерности была основана древнейшая Гелиопольская космогония. В ней отразились важнейшие коды бинарности мифологического сознания. Основатель божественной Девятки богов солярный бог Атум воссуществовал из мрачного водного хаоса Нуна, сотворив первую близнечную пару – бога воздуха Шу и богиню небесной влаги Тефнут, которые породили пару близнецов, – бога земли Геба и небесную богиню Нут. От этой супружеской пары родилась четверица близнецов: бог Осирис и его супруга Исида, Сетх и Нефтида. Драма развернулась из-за противостояния Осириса и Сетха, убившего брата – первого божественного царя Египта. Бог Хор, рожденный Осирисом и Исидой, мстил за отца, вступив в борьбу с Сетхом. Это, собственно, стало началом основного, осирического мифа, в котором отражены ритуализированные мифо-религиозные представления. Этот миф впитал и развил архаические ритуалы, связанные с коронацией живого и погребением умершего царя – Хора и Осириса как двух ипостасей по сути единого бога.

Оппозиции, противоречащие устоям мироздания, гармонии и порядку, снимались путем включения в бинарную систему представлений третьего элемента, символа, медиатора, разрешающего конфликты между противоположностями [6, с. 195–207; 10, с. 168–169]. Это

---

¹ Как и в других культурах классической древности Востока, в египетских космологических представлениях изначальная мрачная бесформенная бесконечная бездна – хаос – предшествовала возникновению космоса – структурированного, упорядоченного мира. Как образ амбивалентный, с одной стороны, хаос является родительским лоном, в котором заключена производительная энергия – мужская и женская. С другой стороны, изначальный хаос может поглотить космос [12, с. 418–420].

мифические герои, трикстеры, животные-помощники, жертвенные животные, ритуальные предметы, образы, связанные с пространственными представлениями о границе и пограничье.

Изобразительные тексты в ритуалах

Для бесписьменных культур, как и дописьменного периода, характерна неотделимость изобразительного искусства от мифопоэтического творчества. В.Н. Топоров отмечал, что «изобразительное искусство является одной из форм мифопоэтического сознания, мифология сама по себе, но и источник информации об этом сознании, о мифологии» [11, с. 231]. Вещи и изображения, представленные на них, обнаруженные в сакральных сооружениях, каковыми являются святилища, храмы, погребальные комплексы, относятся к ритуальным предметам, поэтому информация, которую они предоставляют, позволяет реконструировать ритуалы как священнодействия, в которых на образно-символическом языке зашифрован миф. Ритуал играл важнейшую роль, поскольку он начинался с состояния хаоса и энтропии и был направлен на восстановление порядка как космогонического принципа. Ритуал консолидировал общество вокруг социального лидера – вождя, царя. При проведении ритуалов использовался весь арсенал знаковых систем: естественный язык, язык жестов, танец, музыка, цвет, ритуальные предметы и действия с ними. Таким образом, обнаруживается связь изобразительного искусства с ритуалом, а не с мифом [11, с. 213], хотя ритуал может толковаться как прагматическая реализация мифа, проекция мифологического в сферу ритуального [11, с. 456]. В такой формулировке заключается очень важный момент, который иллюстрируют изобразительные тексты додинастического Египта.

Установка сознания в дописьменный период, основанного на биполярности мифологического сознания, актуализировалась во всех додинастических и прото/раннединастических изобразительных текстах как одной из форм знаковых систем. На культово-меморативных предметах культуры Нагада II–III и начала Раннего царства – церемониальных палетках – представлены различные сцены, но объединяет их то, что, будь то сцены охоты хищников на травоядных, где изображен человек в маске шакала или собаки, с длинной трубой у рта [19, р. 319–322, pl. F. 13] (рис. 1), сражений людей или смешанные изображения, они на высшем уровне означают борьбу противоположностей: хаоса и порядка, символизированного определенными образами. Иначе говоря, эти изобразительные тексты воспроизводят картину мира. Разрешение конфликтов осуществляется за счет семантики противоборствующих образов, но побеждают те, которые выступают на стороне социального лидера – гаранта порядка. Их символика причастна к образам и атрибутам вождя/царя. Это образы быка и льва, которые являлись метафорами мощи и силы египетских фараонов на протяжении всей истории Древнего Египта.

Рис. 1. Церемониальная палетка из Иераконполя

Композиция являлась важнейшим фактором, структурирующим мир изобразительными средствами. На церемониальных палетках изображения помещены, как правило, на обеих сторонах. Если на аверсе композиция построена по принципу центричности с выделением доминирующего круга, вокруг которого в системе зеркальной симметрии расположены фланкирующие его персонажи и периферийные фигуры, то на реверсе центром композиции является вертикаль, как правило, дерево (дерево жизни), также фланкированное одинаковыми персонажами. Строгая структура композиции на обеих сторонах в сочетании с символикой персонажей не позволяет сомневаться в том, что изобразительные тексты на этих культово-меморативных ритуальных предметах передают представления о картине мира. Сочетание осевой и центрической композиции передает представления о целостном мироздании в его вертикальном и горизонтальном членении. Рельефное кольцо в центре поля аверса палеток наделено солярной символикой. Эти культово-ритуальные предметы служили для передачи мифологических представлений о мироустройстве с помощью образно-символического языка.

Космическое дерево и солярный круг, занимающие доминирующее положение в осевой и центрической композициях, в сочетании с символикой образов, к ним тяготеющих, позволяют толковать изобразительные тексты как космограммы, в которых заключена идея жизни, смерти и возрождения как целостности, получившей развитие в письменный период истории Древнего Египта в солярной теологии. Символика образов – хищников и фантастических животных, связанных с огненно-солярной стихией, а также птиц, причастных к небесному пространству; травоядных животных, маркирующих земной мир, корни дерева и перевернутость фигур, указывающих на мир нижний, – все это части единого мира [14, с. 68–69].

Наиболее поздняя церемониальная палетка царя I династии Нармера на внешнем уровне посвящена победе царя над лидером одной из областей Дельты (рис. 2). Однако на космологическом уровне эти конкретные события восходят к ключевым мифологическим представлениям о победе порядка над хаосом, представляющей максимальную ценность для древнеегипетского социума на протяжении всей истории Древнего Египта [15].

Рис. 2. Церемониальная палетка царя I династии Нармера

На панно из элитной гробницы 100 в Иераконполе (рис. 3), датированной фазой Нагада ПС (3300–3200 гг. до н. э.) [20, р. 20–26, tabl. LXXV–LXXIX], структурируют композицию плывущие в два горизонтальных ряда корабли, вокруг которых размещены сцены сражений, охоты, пастушеские сцены, символизирующие борьбу и победу миропорядка над хаосом, триумф додинастического правителя Иераконполя, представленный на многих ритуальных предметах культуры Нагада II–III. В бинарную систему представлений включены символические образы медиаторов, разрешающих конфликты между противоположностями. Это животные-помощники, жертвенные животные, охотники, пересекавшие границы своего, освоенного, окультуренного пространства, отодвигая на самую дальнюю периферию чужую, враждебную порядку область хаоса – мрака и пустыни. Но и западная пустыня включалась в миропорядок, ведь там, на границе жизни и смерти, основывались элитные некрополи, куда приносили жертвы во время поминальных ритуалов. И хотя смерть, с одной стороны, воспринималась трагически, как вторжение хаоса, с другой стороны, она трансформировалась в новую жизнь через символическое преодоление смерти – возрождение. Не случайно, что погребальный обряд причислялся к переходным обрядам, связанным с изменениями социального статуса, в том числе умершего.

Рис. 3. Панно из гробницы 100 в Иераконполе

Примечательно, что на панно изображены два корабля, на которых представлены два мотива: царский праздник *sd*, во время которого правитель Иераконполя совершает ритуальный бег, символически подтверждая свои права на престол [9, с. 79], и перевоз его, уже умершего, в могилу. Как вписывается прижизненная функция регионального вождя (а в исторической перспективе египетского царя) в погребальный контекст? Такое возможно в аспекте переходных ритуалов, к которым оба мотива имели непосредственное отношение [4, с. 91, 99, 103–105]. Эти два важнейших события в жизни правителя проходили как ритуалы перехода: прижизненное возобновление функций вождя (царя) и уход его в иной мир. Но в первом случае изображен его бег – кульминационный момент ритуала *sd*, когда после символической смерти социальный лидер подтверждал легитимность своего правления. Похороны тоже являлись обрядом перехода; усопший вождь приобщался к сонму предков, культ которых существовал в Египте на протяжении всей его истории. Он оставался в исторической памяти, соединяя многие поколения прошлого и настоящего в неразрывной цепи развития культуры. Но есть еще один момент, объединяющий эти ритуалы. Праздник *sd* семантически близок обрядам, связанным с земледельческим циклом. Начало его – посев – семантически тождественен «гибели, смерти, за которой следуют умножающие посеянное всходы и жатвы» [3, с. 361–362]. Идея символического воскресения через смерть составляла смысловое ядро ритуальной практики².

В додинастическое и раннединастическое время в Иераконполе царский праздник *sd* мог проводиться в церемониальном центре, существовавшем на протяжении нескольких фаз культуры Нагада, от фазы IIb–IIc до фазы III – протодинастического времени (ок. 3300–3200 гг. до н. э.) [20, tabl. LXXII], вплоть до Древнего царства. Он был посвящен богу Хорусоку, земным воплощением которого считался царь. Здесь проводили ритуалы, связанные с культом правителя. Р. Фридман считает, что именно это святилище изображено на ритуальной булаве царя I династии Нармера, где он восседает на троне, к которому ведут ступени [17, р. 33, fig. 12] (рис. 5). Среди прочих представлено изображение трех бегущих мужских персонажей между знаков в виде полумесяца – Dnbw, которые служили ограничителями во время царского бега во время праздника *sd*.

² Представление о загробном воскресении является одним из важнейших примеров трансформации дуального принципа мифологического мышления в триадический. Третий элемент разрешает конфликт между противоположностями. Трехчленное деление «жизнь – смерть – возрождение» находит свое выражение в архетипической структуре переходных обрядов. Медиатором этой оппозиции является порог (лат. *limen* и его многочисленные образные синонимы – дверь, проход, пилоны и прочие элементы архитектуры). Таким образом, весь сценарий переходных обрядов состоял из трех этапов: прелиминарного (отделение от прежнего мира), лиминарного (обряды, совершаемые в промежуточный период) и постлиминарного (включение в новый мир) [4, с. 24]. К такого рода переходным обрядам принадлежал и праздник *sd*.

протяжении тысячелетий. Другое дело, что в фараоновский период этот ритуал был персонафицирован и связан с богами мифа об Осирисе. В конечном счете, ритуал «отверзания уст» связан с жертвоприношением едой и питьем, в которых нуждался умерший в качестве рожденного для потусторонней жизни. В ритуале «отверзания уст» отразились ключевые мифологические представления о цикличности времени, в котором начало и конец соединены в неразрывную целостность.

Выводы

Для дописьменного периода изобразительное искусство служило важнейшим средством коммуникации между поколениями, поддержания коллективной памяти и сохранения ценностных традиций, познания мироустройства, включающего природное и культурное в их неразрывном единстве. Мифопоэтическое сознание, начало которого приходится на неолитическую революцию, структурирующее мир по биполярному принципу, сосредоточено на главной теме – борьбе космического упорядочивающего начала с хаотической деструкцией. Этот принцип лег в основу религиозно-мифологических солярных представлений классического Древнего Египта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. 365 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.
3. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 3–501.
4. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М., 2002. 198 с.
5. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. 343 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. 535 с. (Сер. Этнографическая библиотека).
7. Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры // Семиосфера. СПб., 2004. 703 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Ч. I // Семиосфера. СПб., 2004. 703 с.
9. Матье М.Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996. 230 с. (Сер. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995. 406 с.
11. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. М., 2014. Т. 1. 530 с.
12. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. М., 2014. Т. 2. 595 с.
13. Шеркова Т.А. Додинастический и раннединастический Египет в контексте биполярности мифологического сознания // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 70–81. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2018.32.4.07>
14. Шеркова Т.А. Модель мира Древнего Египта. Очерки. М., 2018. 228 с.
15. Шеркова Т.А. Церемониальная палетка фараона Нармера в историко-культурном и психологическом аспектах: солярный культ и архетип Самости // И Земля в ликование... М., 2015. С. 319–330.
16. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. 251 с.
17. Friedman R. The ceremonial centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
18. Friedman R. The early Cemetery at Hierakonpolis: an overview // The Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology. Napoli, 2010. P. 67–85.
19. Petrie F.W.M. Ceremonial Slate Palettes with Reliefs // Corpus of Proto-dynastic Pottery. L., 1953. 23 с.
20. Quibell J.E., Green F.W. Hierakonpolis II. (Egypt Research Account, V). L., 1902. 123 p.
21. Roth A.M. Finger, stars and the “opening of the mouth”: the nature and function of the necherwj-blades // The Journal of Egyptian archeology. L., 1993. Vol. 79. P. 57–79.
22. Roth A.M. The *ps̄-kf* and the “opening of the mouth” ceremony: a ritual of birth and rebirth // The Journal of Egyptian archeology. L., 1992. Vol. 78. P. 113–147. <https://doi.org/10.2307/3822068>

REFERENCES

1. Assman, J. (1999). Egipet: teologiya i blagochestie rannei tsivilizatsii. Moscow, 365. (in Russ.).
2. Assman, J. (2004). Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow, 363. (in Russ.).
3. Bakhtin, M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moscow, 3–501. (in Russ.).

4. Genep, A. van. (2002). Obryady perekhoda. Moscow, 198. (in Russ.).
5. Iordansky, V.B. (1982). Khaos i garmoniya. Moscow, 343. (in Russ.).
6. Levi-Strauss, K. (1983). Strukturnaya antropologiya (Ser. Etnograficheskaya biblioteka). Moscow, 535. (in Russ.).
7. Lotman, Yu.M. (2004). Al'ternativnyi variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury. In *Semiosfera*. St. Petersburg, 703. (in Russ.).
8. Lotman, Yu.M. (2004). Vnutri myslyashchikh mirov. Ch. I. In *Semiosfera*. St. Petersburg, 703. (in Russ.).
9. Mathieu, M.E. (1996). Kheb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii). *Izbrannye trudy po mifologii i ideologii Drevnego Egipta* (Ser. Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka). Moscow, 230. (in Russ.).
10. Meletinsky, E.M. (1995). Poetika mifa. Moscow, 406 (in Russ.).
11. Toporov, V.N. (2014). Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopedii. Moscow, 1, 530. (in Russ.).
12. Toporov, V.N. (2014). Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopedii. Moscow, 2, 595. (in Russ.).
13. Sherkova, T.A. (2018). Pre-dynastic and early dynastic Egypt in the context of bipolarity of mythological consciousness. In *Vestnik MGPU*. 4. 70–81. (in Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2018.32.4.07>
14. Sherkova, T.A. (2018). Model' mira Drevnego Egipta. Ocherki. Moscow, 228. (in Russ.).
15. Sherkova, T.A. (2015). Tseremonial'naya paletka faraona Narmera v istoriko-kul'turnom i psikhologicheskom aspektakh: solyarnyi kul't i arkhetyp Samosti. *I Zemlya v likovanii...* Moscow, 319–330. (in Russ.).
16. Eliade, M. (2010). Aspects of the myth. Moscow, 251. (in Russ.).
17. Friedman, R. (1996). The ceremonial centre at Hierakonpolis. Locality HK29A. *Aspects of Early Egypt*. London, 16–35.
18. Friedman, R. (2010). The early Cemetery at Hierakonpolis: an overview. *The Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology*. Napoli, 67–85.
19. Petrie, F.W.M. (1953). Ceremonial Slate Palettes with Reliefs. In *Corpus of Proto-dynastic Pottery*. London, 23.
20. Quibell, J.E. & Green, F.W. (1902). Hierakonpolis II. (Egypt Research Account, V). London, 123.
21. Roth, A.M. (1993). Finger, stars and the “opening of the mouth”: the nature and function of the necherwj-blades. *The Journal of Egyptian archeology*. London, 79, 57–79.
22. Roth, A.M. (1992). The *psš-kf* and the ‘opening of the mouth’ ceremony: a ritual of birth and rebirth. *The Journal of Egyptian archeology*. London, 78, 113–147. <https://doi.org/10.2307/3822068>

Шеркова Т. А. Додинастический Египет – лоно древнеегипетской цивилизации // Вестник Нижневартского государственного университета. 2020. № 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

Sherkova, T. (2020). Predynastic Egypt – the Bosom of Ancient Egyptian Civilization. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 5–14. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

дата поступления: 05.09.2020

дата принятия: 08.11.2020

© Шеркова Т.А., 2020